

Научная статья
УДК 271.2-9(571.1/5)
doi: 10.17223/15617793/489/8

Новые материалы к дискуссии о старообрядческой грамотности

Елена Ерофеевна Дутчак¹, Артем Викторович Васильев²

^{1, 2}Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
¹dee010@mail.ru
²art@lib.tsu.ru

Аннотация. Рассматриваются спорные вопросы в изучении старообрядческой письменной культуры, сформированной на христианском литературном наследии и испытывающей влияние устного знания о сакральном тексте. Предлагается введение понятий «нормативность» и «перформативность» для оценки доминирующего в старообрядческой общине типа грамотности и описания ее исторических проявлений. В качестве самостоятельного источника информации обосновывается привлечение техник и материальных следов ремонта кириллической книги.

Ключевые слова: Сибирь, старообрядчество, книжная культура, книжная реставрация, исторический источник

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042

Для цитирования: Дутчак Е.Е., Васильев А.В. Новые материалы к дискуссии о старообрядческой грамотности // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 80–87. doi: 10.17223/15617793/489/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/8

New materials on the discussion about Old-Believers' literacy

Elena E. Dutchak¹, Artyom V. Vasilyev²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
¹dee010@mail.ru
²art@lib.tsu.ru

Abstract. The article considers controversial issues in the studies of Old Believers' written tradition, which is based on the Christian literary heritage and at the same time is influenced by oral knowledge of the sacred text. The article introduces the concepts "normativity" and "performativity" to determine the dominant type of literacy in the Old Believer community and to describe its historical manifestations. Techniques and material traces of the repairing of a Cyrillic book are used as an independent source of information indicating the cultural meanings and tactile practices of restoring the visual symbolism of Orthodox literacy. A field for the implementation of this approach is practices and techniques of the book restoration of the existing taiga skete Old Believer community of Wanderers (Siberia, 19th – early 21st centuries). The study of the book restoration traces and book repair techniques mastered by the skete community in different periods of its history made it possible to identify types of Old Believer literacy and describe the accompanying identification patterns. Normative literacy is defined as a pronounced orientation towards Old Russian restoration techniques and copying of its elements, which together help the community to position itself as a faithful and careful custodian of church antiquities and Christian books. Performative literacy arises in the context of the actualization of messianic attitudes and the awareness of one's own chosenness. The transition to performative literacy is accompanied with a free choice of methods for preserving the religious tradition and therefore allows ignoring and rethinking the canons of book restoration. The obtained direct and indirect data were compared from the point of their ability, firstly, to provide information about the intellectual needs, religious reflections and instruments of confessional socialization of the Old Believer peasants living within the eschatological doctrine and worldview; secondly, to outline the ways of multilayered analysis of Old Believer culture as a whole, the development and modification of which cannot be explained in terms of external influences and borrowings, "progress" and "decline", or as a confrontation between elitist/written and folk/oral traditions.

Keywords: Siberia, Old Believers, book culture, book restoration, historical source

Financial support: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No 0721-2020-0042.

For citation: Dutchak, E.E. & Vasilyev, A.V. (2023) New materials on the discussion about Old-Believers' Literacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 80–87. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/8

Введение. Старообрядческая письменная культура XIX – начала XXI в. по внешним признакам явление быстро модифицирующееся. Вместе с тем исследования, поставившие вопрос об истоках ее языкового, жанрового и тематического многообразия, убеждают, что видимые изменения сформированы не механическим заимствованием тезауруса и стилистики «никоианского мира», а логикой развития религиозной интеллектуальной традиции, ежедневно контактирующей с устным рассказом о вере и вероучении [1–4].

Сложность описания этих процессов создает «историографические ловушки» подобные той, в которой оказалась дискуссия о старообрядческой грамотности. Начало обсуждению в 1992 г. положил доклад Д. Шеффела, назвавший ее в соответствии с классификацией J. Goody и I. Watt [5] «ограниченной грамотностью» (restricted literacy) в силу близкого графопочитанию отношения к христианскому сочинению [6]. Тезис вызвал критику на самой конференции и в научной периодике последующих лет [7. С. 94–95], поскольку противоречил данным о численности умеющих читать и писать староверов и богатой литературной истории конфессии.

Импульс новому витку дискуссии в середине 2000-х гг. был придан теоретико-методической статьей R. Crummeу [8]. В ней рассматривалась возможность описания старообрядческих групп с помощью термина «текстуальное сообщество» (textual communities), ранее использованного В. Stock для показа роли устного знания о сакральном тексте в европейской «popular religion» XII–XIII вв. [9]. М.О. Львов и поддержавшая его С.Е. Никитина не согласились с предложением, аргументировав позицию тем, что старообрядческие деноминации считали владение кириллической грамотностью обязательным и все созданные ими конфессионимы стабильны и устойчивы [10. С. 14–17, 57–62; 11. С. 208–209]. В свою очередь исследователи письменного наследия староверия сочли его «работающим» и обратили внимание на то, что в региональных общинах соотношение пишущих, читающих и слушающих всегда было ситуативным и зависело от исторической эпохи, социальной принадлежности, этнического окружения и состава книжных собраний [12; 13; 14. С. 138–180; 15].

Расхождение во взглядах говорит не только о непредсказуемости результатов переноса терминологии из одной научной среды в другую – нейтральные и узкоспециализированные дефиниции при переводе всегда имеют шанс получить негативную коннотацию или избыточную универсальность. Перманентно идущая дискуссия о том, как реализуется воспроизводство культурной традиции в староверии и что определяет доминирование в этих процессах устных и письменных форм, доказывает необходимость переконпоновки понятия «конфессиональная грамотность» и усложнения параметров ее анализа.

Задачи исследования. Их поиск следует начать с выяснения, какие смыслы вкладываются в определение «грамотный человек» староверами старшего поколения. Прежде всего, к ним относят тех, кто умеет вести полемику, адаптировать вероучение к текущим обстоятельствам и делает это в соответствии с принятыми риторическими приемами и правилами цитирования. Однако объективное снижение численности таких людей в конфессии не лишает остальных, владеющих лишь элементарными навыками письма и чтения на церковно-славянской кириллице, знания о том, чем внешне отличаются «древняя»/«правильная» и «новая»/«испорченная реформами» христианская книга.

В своем отношении к «внетекстовым» составляющим книжной культуры староверие не уникально. Для сообществ со значительной долей читающих мирян визуальное и тактильное освоение библейских текстов, названное М.Р. Brown терминами «eye / hand piety» [16], является распространенным и вполне обычным [17]. Эти наблюдения служат дополнительными аргументами в пользу расширения не только градаций старообрядческой грамотности, раскрывающих ее природу и формы проявления, но и круга исторических источников, способных показать книгу религиозного содержания как материальный объект и одновременно отразить практики обращения с ней.

Эту задачу в состоянии решить включение в поле исследования реставрации старинной книги, понимаемой староверами как внутренне связанный комплекс действий и представлений о способах поддержания ее сакральной силы. Во-первых, следы ремонта – источник информации не только хорошо известный, но и датируемый с высокой степенью точности. Во-вторых, техники ремонта, хотя и выглядят весьма изобретательными, обнаруживают либо прямое следование древнерусскому канону, либо из-за применения современных и нетипичных материалов кажутся отходом от него. В последнем есть большой соблазн увидеть структурные и необратимые сдвиги в культуре староверия в целом. Но действительно ли это так?

Учитывая стабилизирующий потенциал религиозной доктрины, вряд ли процесс модификации протекает хаотично; одним из его регуляторов может выступать широко интерпретируемое староверами понимание грамотности. Это делает возможным привлечение терминов нормативность и перформативность для обозначения ими ее разных типов, проявляющиеся в том числе в техниках книжной реставрации. В интерпретации этих понятий мы отталкиваемся от классического определения Дж. Остина, охарактеризовавшего перформативные речевые акты как высказывания, которые служат основанием для осуществления действий – и этим отличаются от констатаций, описывающих факты и разграничивающих истинное и ложное [18]. В нашем случае нормативная

грамотность, сопровождающаяся выраженной ориентацией на древнерусские техники ремонта и копирование их элементов, означает, что ее носители позиционируют себя верными и бережными хранителями церковной старины в точно заданных и освященных традицией рамках. В то время как перформативная грамотность свидетельствует о том, что они осознают себя свободными в выборе методов сохранения и поэтому могут допустить, если требуют обстоятельства, игнорирование реставрационного канона. Следовательно, смена или сосуществование приемов ремонта выступают дополнительным индикатором не только для оценки идейной самодостаточности локальных общин, деноминаций (согласий и толков), но и их готовности контролировать или направлять собственные изменения.

Возможно, исследование в таком направлении покажет выход из зашедшей в тупик дискуссии и поможет продолжить изучение феномена старообрядческой грамотности, не сводя его к взаимодействию или противостоянию элитарной / письменной и народной / устной культур.

Источники. Информационной основой исследования выступил корпус данных, связанных с историей и современным состоянием одного из сибирских (томско-чулымских) таежных скитов – коллективного владельца и реставратора книг¹.

Он был основан в 1830-е гг. выходцами из Европейской России, относившими себя к «странникам». Вероучение этой ветви староверия составляло положения о приходе Антихриста, пресечении рукоположенного священства и праве совершать публичную молитву, таинства крещения и покаяния лишь тем мирянам, которые приняли иноческие обеты, отказались от личных документов и пользования деньгами. Финансовая поддержка купцов Поволжья и затем помощь местных крестьян превратили скит в хозяйственно устойчивое поселение, ставшее в условиях советской действительности центром притяжения для людей с аскетическим и эсхатологическим мировоззрением.

Первая группа материалов, представленная интервью со скитниками (1985–2020 гг.) [19], открывает процессы складывания их библиотеки. Часть книг приходила вместе с «неофитами», но эпизодические поступления не могли решить главную проблему общины, нуждавшуюся в предписанных монастырским уставом богослужебных и четких текстах. Поэтому основным источником пополнения общинного собрания стал их целенаправленный поиск через надежных посредников: купленные книги отправлялись в Томск, потом развозились по деревням и зимой на лыжах доставлялись таежным заказчикам. Такой путь оказывался медленным, трудоемким и опасным для физического состояния книг. Они поступали в скит с повреждениями разной степени тяжести и восстанавливались на месте параллельно с обучением всех способных азам книжного ремонта.

Потребность в его освоении этим не исчерпывалась. Размеры келий позволяли держать в отапливае-

мых помещениях лишь минимум книг, остальные, сложенные в сундуки, размещались на чердаках и в сених. Результатом такого хранения становились деформация и загрязнение переплетов, заражение плесенью книжных блоков, обширные утраты текста. Кроме того, к повреждениям книг приводили принятые в сибирских скитах методы их «спасения» от изъятий властями – меры, призванной лишить староверие возможности создавать свои версии христианской эсхатологии и вести богослужение по дореформенным изданиям. Так, книжными конфискациями сопровождалась акция по ликвидации поселения (1849, 1947 гг.) и выявлению «бродяг, дезертиров и тунеядцев» (1958–1965, 1985–1987 гг.) [20; 21; 22. Л. 79–82, 100; 23. Л. 1–2; 24. Л. 148–149; 25. Л. 35–36, 105]. Лишь дисперсное расселение скитников (кели разделены расстоянием от 1 до 7 км) помогало всякий раз спасти большую часть общинной библиотеки, рассредоточив ее по заранее подготовленным земляным тайникам.

Вторая группа материалов – это переданная в Научную библиотеку Томского университета часть скитского книжного собрания. Она включает в себя 144 древнерусские и старообрядческие рукописи временного диапазона конца XV в. – 2012 г. и 78 книг, изданных Московским печатным двором, старообрядческими и единоверческой типографиями и в типографиях русской православной церкви (Синодальной и Киево-Печерской). После исключения рукописных литургических и гомилетических текстов, не сшитых в кодексы, корпус значимых для исследования книг оказывается таким – из 118 экземпляров (76%) имеют следы ремонта обложек и переплетов, восстановления текстов, наращивания или обрезки листов. В какой мере они отражают характер освоения сибирским пустынножительством визуальной символики православной книжности и в каких материальных формах воплощается присущий ему тип грамотности, мы проиллюстрируем на примере оцифрованной части книжной коллекции «Скитская библиотека» [26, 27].

Старообрядческая реставрация: нормативная и перформативная грамотность. Процесс и результат книжного ремонта скитники называют «поновлением», сохраняя тем самым древнерусское значение возвращения к культурной норме [28. С 48–55] и указание на механические действия по восстановлению физического состояния. Поэтому принципиальным для реставрации, реализующейся в логике нормативной грамотности, становится вопрос об образце, следование которому позволяло считать «поновленные» книги пригодными для богослужения и прочтения. Для общины с преимущественно крестьянским составом наглядным пособием и одновременно хранителем сведений о реставрационном каноне выступали книги подобные Прологу конца XV в., попавшему в скит со следами четырех реставраций [26, 27, 29]. Путь, который проделала рукопись, невозможно установить с документальной точностью, но массив косвенных данных и запись на

форзаце («Сия Богодухновенная святая книга Пролог прислана мне в смысле незабвенного подарка на память от отца духовного Антония 8 декабря 7423 [1915] г. получил Иван Суботин») дают основания считать его вполне типичным: скорее всего, ее последний владелец был в числе мирских ктиторов скита и, как предписывало странническое вероучение, в зрелом возрасте отправился сюда «креститься и умереть под иконами».

Итак, первый «слой» Пролога, содержащего чтения с сентября по февраль [30. С. 15–104], относится к XVII столетию. В этот период был проверен текст, дописаны пропущенные фразы (л. 132) и восстановлены чтения с 21 по 29 февраля (л. 288–295), листы кодекса пронумерованы. Работы, обусловленные состоянием рукописи (утрата заключительной части говорит о том, что она какое-то время находилась без переплета), сопровождалась сличением с другим списком Пролога. Такой прием – поддержание внешнего вида книги и параллельно сверка ее содержания – в дальнейшем будут практиковать скитники-реставраторы.

Каждый из последующих «слоев», понятий как паттерн, по-своему примечателен. Так, подклейка листов бумагой синего цвета на рубеже XVIII–XIX вв. легитимировала использование в схожих случаях доступных материалов (для скитников ими стали листы погибших книг и обычная писчая нелинованная бумага). Следы реставрации второй половины XIX в. показывали обязательность пересчета тетрадей и листов при разборе книжного блока и сохранения орнаментального единства текста (см. воссозданный в балканском стиле инициал на л. 165). «Поновления», сделанные между 1900–1915 гг., подтверждали нужность восстановления декора (на л. 1 и 40 об. опять имитируется «балканская плетенка») и «учили», как нарастить более чем на половину утраченный лист и что дописывание фраз должно идти с соблюдением длины строки и высоты букв (л. 2).

Сопоставление этих приемов с отреставрированными книгами «Скитской библиотеки» не вызывает сомнений в их прилежном усвоении. Однако подчеркнем ряд моментов, наиболее интересных для характеристики носителей нормативной грамотности.

Во-первых, им присуще отношение к декору кириллической книги как «организатору» процесса чтения, где инициалы, заставки и концовки призваны гармонизировать скорость чтения и понимание прочитанного. Впоследствии древний монашеский прием регламентации чтения вслух с помощью визуального ряда книги сохранится в скитских молитвенных текстах. Например, в Часослове с певческой азбукой (1870–1910 гг.) их заменили деколи, используя которые реставратор второй половины XX в. сначала «собрал» растекшийся от влаги и выцветший рисунок, а потом «создал» его заново, заняв свободное пространство в верхней части листа [26; 27; 31. Л. 1, 89].

Во-вторых, для сообществ с нормативным типом грамотности точное следование авторитетной традиции является не самоцелью, а созданием условий для раскрытия заложенных в ней смыслов. Реставрацион-

ный слой Пролога начала XX в. показывает, как это реализовано: ремонт-«лечение» всегда давал техническую возможность упрочить сакральную силу древней книги новыми текстами. Так, почти через четыреста лет в рукопись включены «Повесть о чудеси святого отца Николы, яже от Агрикове сыне Василии» и «Память преподобного отца нашего Иоанна постника, иже в Лавре святого Савы», и указание, что они взяты из декабрьской части Пролога «древлепечатного» (вшиты между л. 213–214). Прием также будет усвоен томско-чулымскими странниками. Например, во второй четверти XX в. скитской реставратор дополнил «Службу Иисусу Христу» описанием обряда очищения еды и питья с отсылкой: «выписано из Каноника печатного в Могилеве в лето 7352 [1844]» [26; 27; 32. Л. 90 об.–93].

Для староверия, известного своей книжной эрудицией и тщательностью исторических и текстологических разысканий [33. С. 22–44; 34. С. 192–226; 35], помещение сведений о происхождении дописываемых фрагментов выглядит устойчивой литературной традицией. Действительность оказывается сложнее. Если наличие у реставратора старопечатного Пролога не вызывает сомнений (при недостаточной изученности его редакций [36, 37] неясно лишь, о каком из изданий – первом (1642/1643 г.), втором (1659/1660 г.) или третьем (1661/1662 г.) – следует вести речь), то ситуация с «могилевским Канонником» принципиально иная. Староверы с осторожностью относятся к поздним публикациям молитвословий и принимают их, будучи уверенными в том, что они выполнены единоверцами или по их заказу. Поскольку установленные факты обращений в типографию Могилева-на-Днестре и Могилева-на-Днестре не выходят за пределы XVIII столетия [38. С. 18–19; 39. С. 143–145, 155], есть все основания сомневаться в существовании такой книги.

Пример с Канонником говорит о том, что складывание системы книжных авторитетов могло происходить не только в ходе личной работы с христианским сочинением [40], но и быть результатом безличного действия внутриконфессиональной сети [41], по которой перемещались люди, циркулировали печатные книги и многократно переписанные анонимные сборники. В данном случае неважно, стала ли указанная вставка следствием нечаянной ошибки или преднамеренной имитации. Гораздо более существенным для понимания природы старообрядческой грамотности представляется эффект добавленной валидности, когда подробная, вплоть до указания листа запись о цитируемом тексте вместе с осознанием, что информация получена по проверенным каналам, обеспечивали ее восприятие как достоверной.

Как долго нормативная грамотность могла существовать в «чистых» формах и какие материальные признаки свидетельствуют о накоплении перформативности, на наш взгляд, показывает заключительное, «томско-чулымское звено» в цепи реставраций Пролога. В середине XX в. скитский реставратор помещает рукопись в переплет, ранее принадлежавший старообрядческому изданию рубежа XVIII–XIX вв.², но при этом не восстанавливает заставки.

Символика «застегивания» как оберега, защиты сакрального предмета от «лукавого» изучена на разных материалах народного православия. Считается, что старообрядческая культура, следующая максиме «кто не застегнет книгу – анафема да будет», сохраняет ее в полном объеме [42, 43]. «Скитская библиотека» открывает любопытную деталь – на снятых с до-реформенных и ранних старообрядческих изданий переплетах застежки восстанавливались реже, чем на изготовленных в таежном монастыре. Возможность датировать такие ремонтные операции по материалу позволяет установить временной диапазон столь избирательного проявления реставрационного канона и считать 1940–1960-е гг. переходом томско-чулымской общины к перформативной грамотности.

Его социальным триггером стало промышленное освоение лесных массивов. С конца 1940-х гг. советская сырьевая экономика планомерно разрушала сетевое единство старообрядческих нелегальных поселений и вместе с ним внешние связи томско-чулымских странников. Исчезновение монастырей единоверцев закономерно привело к оценке своего скита как «места спасения древнего благочестия», выдержавшего проверку временем. В конце 1980-х гг. мы застали ее полностью сложившейся: скитники пришли к убеждению в собственной избранности («Мир будет стоять до тех пор, пока будет жив хоть один странник, пусть даже самый немощный») и реинтерпретировали сентенцию о святых, которые не творят чудес, но «выше первых чудотворных отец явятся в царствие небесное» [44. С. 93]: «Это о нас сказано. О тех, кто в последнее время скроется от человек и сами собой воспримут усердие и сами собой знают, что здесь делать и как тут доживать» [19. Аудиозапись № 1].

Полагаем, установка на самостоятельное формирование «информационного поля» есть главный индикатор перформативной грамотности, и томско-чулымский книжный ремонт последней трети XX в. открывает как минимум два фактора ее генезиса. Во-первых, это общие для народного православия представления об очищающей силе сакральных локусов, к каковым относились любые монастырские комплексы; во-вторых – интеллектуальные и технологические реалии эпохи *modernity*, сделавшие соотношения нормы и антинормы гибкими, ситуативными и подвижными.

Поэтому как связанные явления стоит рассматривать расширяющееся применение нетипичных материалов (хозяйственной тары, настенных обоев, автомобильных чехлов для изготовления переплетов, школьных тетрадей и канцелярских журналов для укрепления книжного блока, скотча для соединения разрывов на листах) и кардинальное преобразование в ходе реставрации текста «Вруцелето», в котором изъятые модели расчета всех церковных праздников кроме Пасхи [26, 27, 45]. В совокупности они говорят о складывании качественно нового типа темпоральности, и проникновение в повседневность таежного монастыря гражданского исчисления времени – лишь одна из составляющих процесса. Не менее показательными в данном случае становятся частота ис-

правлений и дополнений шариковой ручкой в книгах для богослужения и христианского чтения, использование в них в качестве закладок страниц настенных отрывных календарей с информацией о советских праздниках и деятелях коммунистического движения.

Соответственно, переход к перформативной грамотности следует маркировать не технической изобретательностью религиозной группы, а ее умением совместить ортодоксальную символику сакральной книги с прагматичным отношением к современной полиграфии. Так, в конце XX столетия переплет скитской рукописи с толкованиями Андрея Кесарийского на Откровение Иоанна Богослова (1910-е гг.) украшается аппликацией – вырезанным из конфетной коробки букетом роз [26, 27, 46]. Странный, на первый взгляд, выбор для пророчеств о конце света вполне согласуется со средневековой трактовкой Страшного суда как победы добра над злом и празднично-торжественным оформлением рукописных Апокалипсисов до XVIII столетия [47. С. 93–94]. Приведем созвучное этой традиции эмоциональное высказывание современной скитницы: «Я здесь как в раю» [19. Тетр. 7. Л. 88].

Вместе с тем использование для выражения эсхатологических идей продукции «никонианского мира» отражает глубинные перемены, происходящие с человеком рационалистической культуры: чтобы ощущать себя органичным религиозной старине, ему требуется научиться чувствовать взаимосвязь формирующих ее элементов. Поэтому своего рода защитным механизмом в ситуации ухода из жизни грамотных наставников – хранителей древнерусской традиции оформления книги – стало обратное движение томско-чулымской общины к нормативной грамотности в 2000-е гг.

В его основе лежит знание о происходящем за пределами скита, которое заставляет сомневаться в собственной исключительности: «Таких, как мы, больше нигде не осталось, может, только в Америке маленько» [19. Видеозапись № 1]. Для сегодняшнего поколения скитников – детей, заменивших родителей, чтобы продлить существование таежного поселения, – характерно осознание своего положения как ученического. Это объясняет, почему, ремонтируя книги, они уже не рискуют исправлять или дополнять их тексты, а копируют на полях листов или форзацах церковнославянские буквы и размышляют о необходимости овладения полууставным письмом: «Надо приучаться может что и получится, практика это проверка знаний, трудновато дается но надо привыкать. Учись с терпением и не борзись. Привыкати писать надо. Господи, помози мне верно писать без ошибок. Грешнику Бог не помогает, а обращающего приемлет» (запись на листе школьной тетради служила закладкой в Псалтыри) [19. Тетр. 6. Л. 15].

В совокупности эти примеры показывают – «маятник» старообрядческой грамотности движется неравномерно. Для обретения качества перформативности скитской общине сегодня недостаточно освоить технику ремонта: она нуждается в выработке правил контаминации религиозных и светских текстов, следуя которым

смогла бы преодолеть собственную «устность», заданную влиянием «никонианского мира».

Заключение. Сопоставление техник книжного ремонта, продуцируемых нормативным и перформативным типами грамотности, свидетельствует о сложной динамике развития старообрядческой культуры чтения и письма, поэтому равным эвристическим потенциалом будут обладать ситуации смены и сосуществования разных моделей «поновления». Рассмотрение их как внутренне единого феномена уже не позволяет оценивать изменения читательских привычек, литургических практик и схем восприятия религиозного текста в логике культурного прогресса – поступательного вытеснения старого новым, но дает все основания считать обучение правилам ремонта самостоятельной частью конфессиональной социализации и идентификации вне зависимости от исторического периода.

Безусловно, наши наблюдения и выводы нуждаются в проверке на других материалах, но уже сейчас очевиден круг задач, требующих решения. К ним мы предлагаем отнести, во-первых, анализ рефлексий староверов о «правильных» и «неправильных» формах поддержания физического состояния старинной книги; во-вторых, сравнение способов «очищения» древних рукописных и старопечатных книг от пребывания в руках иноверцев и применяемых в отношении изданий деноминаций-конкурентов, продукции синодальных и светских типографий. Надеемся, что это позволит расширить научное знание о методах, используемых конфессией для актуализации символов православной книжности, и приблизиться к пониманию природы старообрядческой грамотности в ее устных, письменных, визуальных и тактильных воплощениях.

Примечания

¹ Скит находится в междуречье притоков Оби – рек Томь и Чулым, приблизительно в 100 км от Томска – старейшего университетского города Сибири, в прошлом – губернского и епархиального центра.

² В настоящее время из-за плохой сохранности он заменен реставраторами Научной библиотеки Томского университета.

Список источников

1. Волкова Т.Ф., Мелихов М.В. Книгописная деятельность и литературное творчество печорских крестьян-старообрядцев (XVIII–XX вв.) // Вестник Российского гуманитарного фонда. 2008. № 3. С. 147–162.
2. Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.
3. Автобиографическая и духовная проза старообрядцев Печоры. Материалы и исследования / подгот. текстов, вступ. ст., указ. и ком. М.В. Мелихова. Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. 415 с.
4. Потехина Е. Язык иоганнисбургских текстов Константина Голубева : перспективы исследования // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 4. С. 269–280.
5. Goody J., Watt I. The Consequences of Literacy // Comparative Studies in Society and History. 1963. Vol. 5, № 3. P. 304–345.
6. Шеффел Д. Старая вера и русский церковный обряд // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1992. С. 22–27.
7. Шемякина О.Д. Власть линии в росписании и нелинейный характер российского хаосмоса // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 92–103.
8. Crumney R.O. Old Believer as Popular Religion: New Approaches // Slavic Review. 1993. Vol. 52, Is. 4. P. 700–712.
9. Stock B. Listening for the Text: On the Uses of the Past. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1990. 193 p.
10. Львов А.Л. Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуальное сообщество. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2011. 328 с.
11. Никитина С.Е. Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах (проблемы синхронного описания). М. : Ин-т наследия, 2013. 312 с.
12. Данилко Е.С. Социальные механизмы сохранения традиционных ценностей // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 98–108.
13. Смилянская Е.Б. Книжная премудрость и избрание пути спасения старообрядцами Верхотурья на рубеже XIX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1. С. 36–43.
14. Гурьянова Н.С. Рукописные сборники и оформление идеологии старообрядческого движения. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2017. 230 с.
15. Дутчак Е.Е. Старообрядческие скиты и их паства в 1920–1930-е гг. // Новые исследования Тувы. 2019. № 1. С. 29–43.
16. Brown M.P. Hand Piety; or, Operating a Book in Early New England // Cultural Narratives / ed. S. Gustafson. Notre Dame: U of Notre Dame, 2010. P. 14–33.
17. История чтения в западном мире от Античности до наших дней. М. : Изд-во ФАИР, 2008. 544 с.
18. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М. : Прогресс, 1986. С. 22–130.
19. Архив археографической экспедиции ТГУ. Красный Яр : полевые материалы 1985–2020 гг. (тетради 1–12; аудиозаписи № 1–7; видеозаписи № 1, 2).
20. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 54. Д. 261.
21. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 763.
22. ГАТО. Ф. р1786. Оп. 1. Д. 222.
23. ГАТО. Ф. р1786. Оп. 1. Д. 295.
24. ГАТО. Ф. р1786. Оп. 1. Д. 449.
25. ГАТО. Ф. р1786. Оп. 1. Д. 451.
26. The Endangered Archives Programme. URL: <https://doi.org/10.15130/EAP834>
27. Научная библиотека Томского государственного университета. Электронная библиотека (репозиторий). URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:1847>
28. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л. : Наука. Ленинградское отд-ние, 1986. 205 с.
29. Научная библиотека Томского государственного университета, отдел рукописей и книжных памятников. «Скитская библиотека». В-25011.

30. Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог. Вып. 1. XV–XVII вв. / сост. В.А. Есипова; под ред. Г.И. Колосовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 424 с.
31. Научная библиотека Томского государственного университета, отдел рукописей и книжных памятников. «Скитская библиотека». В-26420.
32. Научная библиотека Томского государственного университета, отдел рукописей и книжных памятников. «Скитская библиотека». В-26408.
33. Козлов В.П. Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М. : Аспект Пресс, 1996. 272 с.
34. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М. : Языки славянской культуры, 2022. Т. 1. 544 с.
35. Гурьянова Н.С. Исторические штудии противников церковной реформы в XVII – первой четверти XVIII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. № 8. С. 34–43.
36. Круминг А.А. Редакции славянского печатного Пролога (предварительные заметки) // Славяноведение. 1998. № 2. С. 46–60.
37. Дадыкин А.В. Издания книги Пролог на Московском печатном дворе в третьей четверти XVII в. // Федоровские чтения – 2003. М. : Наука, 2003. С. 176–196.
38. Вознесенский А.В., Мангилев П.И., Починская И.В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701–1918) : материалы к словарю. Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. ун-та, 1996. 80 с.
39. Починская И.В. История восточнославянского кириллического книгопечатания : курс лекций. Екатеринбург : Екатеринбургская духовная семинария, 2022. 204 с.
40. Покровский Н.Н. О роли древних рукописных старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : ГПНТБ, 1973. Вып. 14. С. 19–40.
41. Пригарин А.А., Стороженко А.А. Традиционные варианты сетевых сообществ в доцифровую эпоху: староверы-часовенные Сибири по данным похозяйственных книг 1920–1950-х гг. // Сибирские исторические исследования. 2022. № 4. С. 54–76.
42. Бойко Е.С. Книга как святыня у староверов на Енисее // Седьмые Макушинские чтения : материалы конференции. Новосибирск : ГПНТБ, 2006. С. 18–20.
43. Фурсова Е.Ф. Металлические заставки богослужебных книг новосибирских старообрядцев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2021. Т. 27. С. 856–860.
44. Полетаева Е.А. Выписки из Жития св. Нифонта в древнерусских сборниках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 2. С. 88–97.
45. Научная библиотека Томского государственного университета, отдел рукописей и книжных памятников. «Скитская библиотека». В-26104.
46. Научная библиотека Томского государственного университета, отдел рукописей и книжных памятников. «Скитская библиотека». В-26127.
47. Завадская Е.В. Мир как книга (Образ книги в Апокалипсисе и образы Апокалипсиса в книге) // Книга: исследования и материалы. Сб. 61. М. : Книжная палата, 1990. С. 85–94.

References

1. Volkova, T.F. & Melikhov, M.V. (2008) Knigopisnaya deyatel'nost' i literaturnoe tvorchestvo pechorskikh krest'yan-staroobryadtsev (XVIII–XX vv.) [Book-writing activity and literary creativity of the Pechora peasants-Old Believers (18th–20th centuries)]. *Vestnik Rossiyskogo humanitarnogo fonda*. 3. pp. 147–162.
2. Zhuravel', O.D. (2012) *Literaturnoe tvorchestvo staroobryadtsev XVIII – nachala XXI v.: temy, problemy, poetika* [Literary Creativity of the Old Believers of the 18th – Early 21st Centuries: Themes, problems, poetics]. Novosibirsk: Siberian Branch RAS.
3. Melikhov, M.V. (ed.) (2018) *Avtobiograficheskaya i dukhovnaya proza staroobryadtsev Pechory. Materialy i issledovaniya* [Autobiographical and Spiritual Prose of the Old Believers of Pechora. Materials and research]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.
4. Potekhina, E. (2019) Yazyk iogannisburgskikh tekstov Konstantina Golubeva: perspektivy issledovaniya [The language of Konstantin Golubev's Iohannisburg texts: research perspectives]. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*. 4. pp. 269–280.
5. Goody, J. & Watt, I. (1963) The Consequences of Literacy. *Comparative Studies in Society and History*. 3 (5). pp. 304–345.
6. Sheffel, D. (1992) Staraya vera i russkiy tserkovnyy obryad [Old faith and Russian church rite]. In: Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki* [Traditional Spiritual and Material Culture of Russian Old Believer Settlements in Europe, Asia and America]. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch. pp. 22–27.
7. Shemyakina, O.D. (2008) Vlast' linii v rossiyevedenii i nelineynykh kharakter rossiyskogo khaokosmosa [Power of the line in Russian studies and the nonlinear nature of the Russian chaosmos]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 92–103.
8. Crummey, R.O. (1993) Old Believer as Popular Religion: New Approaches. *Slavic Review*. 4 (52). pp. 700–712.
9. Stock, V. (1990) *Listening for the Text: On the Uses of the Past*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
10. L'vov, A.L. (2011) *Sokha i Pyatiknizhie: russkie iudeystvyushchie kak tekstual'noe soobshchestvo* [Sokha and the Pentateuch: Russian Judaizers as a Textual Community]. Saint Petersburg: European University.
11. Nikitina, S.E. (2013) *Konfessional'nye kul'tury v ikh territorial'nykh variantakh (problemy sinkhronnogo opisaniya)* [Confessional Cultures in Their Territorial Variants (Problems of synchronous description)]. Moscow: In-t naslediya.
12. Danilko, E.S. (2006) *Sotsial'nye mekhanizmy sokhraneniya traditsionnykh tsennostey* [Social mechanisms for the preservation of traditional values]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 98–108.
13. Smilyanskaya, E.B. (2013) Book learning and ways to salvation in the Old Believer communities at the turn of the twenty first century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1. pp. 36–43. (In Russian).
14. Gur'yanova, N.S. (2017) *Rukopisnye sborniki i oformlenie ideologii staroobryadcheskogo dvizheniya* [Handwritten Collections and Design of the Ideology of the Old Believer Movement]. Novosibirsk: Institute of History of SB RAS.
15. Dutchak, E.E. (2019) Staroobryadcheskie skity i ikh pastva v 1920–1930-e gg. [Old Believer sketes and their flock in the 1920s–1930s]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 1. pp. 29–43.
16. Brown, M.P. (2010) Hand piety; or, operating a book in Early New England. In: Gustafson, S. (ed.) *Cultural Narratives*. Notre Dame: University of Notre Dame. pp. 14–33.
17. Chartier, R. & Cavallo, G. (eds) (2008) *Istoriya chteniya v zapadnom mire ot Antichnosti do nashikh dney* [A History of Reading in the Western World from Antiquity to the Present]. Translated from French by M. Runova, N. Zubkov & T. Nedashkovskaya. Moscow: Izd-vo FAIR.
18. Austin, J. (1986) Slovo kak deystvie [Word as action]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vol. 17. Moscow: Progress. pp. 22–130.
19. Archive of the archeographic expedition of TSU. (1985–2020) *Krasnyy Yar: polevye materialy* [Krasny Yar: field materials]. Notebooks 1–12; audios 1–7; videos 1–2.
20. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 54. File 261. (In Russian).
21. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 4. File 763. (In Russian).
22. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund r1786. List 1. File 222. (In Russian).
23. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund r1786. List 1. File 295. (In Russian).

24. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund r1786. List 1. File 449. (In Russian).
25. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund r1786. List 1. File 451. (In Russian).
26. *The Endangered Archives Programme*. (n.d.) [Online] Available from: <https://doi.org/10.15130/EAP834>.
27. *Nauchnaya biblioteka Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Elektronnaya biblioteka (repozitoriy)* [Research Library of Tomsk State University. Electronic library (repository)]. (n.d.) [Online] Available from: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:1847>.
28. Panchenko, A.M. (1986) *Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Russian Culture on the Eve of Peter's Reforms]. Leningrad: Nauka.
29. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. (n.d.) *Skitskaya biblioteka* [Skete Library]. V-25011.
30. Kolosova, G.I. (ed.) (2007) *Slavyano-russkie rukopisi Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Katalog* [Slavic-Russian Manuscripts of the Research Library of Tomsk State University: Catalogue]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
31. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. (n.d.) *Skitskaya biblioteka* [Skete Library]. V-26420.
32. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. (n.d.) *Skitskaya biblioteka* [Skete Library]. V-26408.
33. Kozlov, V.P. (1996) *Tayny fal'sifikatsii: Analiz poddelok istoricheskikh istochnikov XVIII–XIX vekov* [Secrets of Falsification: Analysis of forgeries of historical sources of the 18th–19th centuries]. Moscow: Aspekt Press.
34. Yukhimenko, E.M. (2022) *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn': Dukhovnaya zhizn' i literature* [Vygovskaya Old Believer Hermitage: Spiritual Life and Literature]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
35. Gur'yanova, N.S. (2022) Istoricheskie shtudii protivnikov tserkovnoy reformy v XVII – pervoy chetverti XVIII veka [Historical studies of the opponents of the church reform in the 17th – the first quarter of the 18th centuries]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 8. pp. 34–43.
36. Kruming, A.A. (1998) Redaktsii slavyanskogo pechatnogo Prologa (predvaritel'nye zametki) [Editions of the Slavic printed Prologue (preliminary notes)]. *Slavyanovedenie*. 2. pp. 46–60.
37. Dadykin, A.V. (2003) [Editions of the book Prologue at the Moscow Printing Yard in the third quarter of the 17th century]. *Fedorovskie chteniya – 2003* [Fedorov Readings–2003]. Proceedings of the Conference. Moscow. 1–2 October 2003. Moscow: Nauka. pp. 176–196. (In Russian).
38. Voznesenskiy, A.V., Mangilev, P.I. & Pochinskaya, I.V. (1996) *Knigoizdatel'skaya deyatel'nost' staroobryadtssev (1701–1918): materialy k slovaryu* [Book Publishing Activity of the Old Believers (1701–1918): Materials for the dictionary]. Yekaterinburg: Ural State University.
39. Pochinskaya, I.V. (2022) *Istoriya vostochnoslavianskogo kirillicheskogo knigopechataniya* [History of East Slavic Cyrillic Printing: A course of lectures]. Yekaterinburg: Yekaterinburg Orthodox Theological Seminary.
40. Pokrovskiy, N.N. (1973) O roli drevnikh rukopisnykh staropechatnykh knig v skladyvaniy sistemy avtoritetov staroobryadchestva [On the role of ancient handwritten old printed books in the formation of the system of authorities of the Old Believers]. In: Kartashov, N.S. et al. *Nauchnye biblioteki Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Scientific Libraries of Siberia and the Far East]. Vol. 14. Novosibirsk: State Public Scientific and Technological Library of SB RAS. pp. 19–40.
41. Prigarin, A.A. & Storozhenko, A.A. (2022) Traditsionnye varianty setevykh soobshchestv v dotsifrovuyu epokhu: starovery-chasovennyye Sibiri po dannym pokhozyaystvennykh knig 1920–1950-kh gg. [Traditional variants of networked communities in the pre-digital era: Old Believers chapels of Siberia according to household books of the 1920s–1950s]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 4. pp. 54–76.
42. Boyko, E.S. (2006) [The book as a shrine among the Old Believers on the Yenisei]. *Sed'mye Makushinskie chteniya* [Seventh Makushinsky Readings]. Proceedings of the International Conference. Novosibirsk. 16–17 May 2006. Novosibirsk: State Public Scientific and Technological Library of SB RAS. pp. 18–20.
43. Fursova, E.F. (2021) Metallicheskie zastezhki bogoslužebnykh knig novosibirskikh staroobryadtssev [Metal clasps of liturgical books of Novosibirsk Old-Believers]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. 27. pp. 856–860.
44. Poletaeva, E.A. (2011) Vypiski iz Zhitiya sv. Nifonta v drevnerusskikh sbornikakh [Extracts from the Life of St. Nifont in Old Russian collections]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2 (10). pp. 88–97.
45. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. (n.d.) *Skitskaya biblioteka* [Skete Library]. V-26104.
46. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. (n.d.) *Skitskaya biblioteka* [Skete Library]. V-26127.
47. Zavadskeya, E.V. (1990) Mir kak kniga (Obraz knigi v Apokalipsise i obrazy Apokalipsisa v knige) [The world as a book (The image of the book in the Apocalypse and the images of the Apocalypse in the book)]. In: Sikorskiy, H.M. (ed.) *Kniga: issledovaniya i materialy* [Book. Researches and materials]. Vol. 61. Moscow: Knizhnaya palata. pp. 85–94.

Информация об авторах:

Дутчак Е.Е. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dee010@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5284-6054

Васильев А.В. – канд. ист. наук, директор Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: art@lib.tsu.ru

ORCID: 0000-0002-6561-4375

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.E. Dutchak, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dee010@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5284-6054

A.V. Vasilyev, Cand. Sci. (History), head of the Research Library, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: art@lib.tsu.ru

ORCID: 0000-0002-6561-4375

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.12.2022;
одобрена после рецензирования 09.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.

The article was submitted 25.12.2022;
approved after reviewing 09.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.